

Ведущий программы «Ночной полет» (АТВ), идущей на третьем канале, Андрей Максимов работает на телевидении почти пять лет. Две недели назад вышел его роман «Посланник», во многом посвященный ТВ. Несмотря на это, он не считает себя телевизионным человеком.

Мария Безбородова,
Григорий Заславский

АНДРЕЙ МАРКОВИЧ, недавно стало известно, что вы уходите из программы «Мужчина и женщина». Почему вы решили это сделать, ведь ведущие передачи были даже номинированы на ТЭФИ?

— Вести «Мужчину и женщину» меня пригласила Кира Прошутинская. Это, на мой взгляд, — случай уникальный, потому что в любой другой телекомпании ни один ведущий не делится эфиром с другим. Мы делали эту передачу почти полтора года, но в какой-то момент произошло событие, после которого я понял, что наши взгляды на нее не совпадают. Я сказал генеральному продюсеру АТВ Анатолию Малкину, что не буду больше работать в «Мужчине и женщине». Как мне тогда казалось, варианта было всего два: либо меня заставят делать эту программу, либо уволят. По крайней мере так произошло бы в любой другой телекомпании. Но после разговора с Малкиным я понял, что все мои страхи напрасны. Те-

му вы так считаете?

— В ней есть «дежурный по стране», анализирующий политические события, героями передачи становятся министры...

— Главная цель «Ночного полета», как, впрочем, и «Мужчины и женщины», — показать человека как человека, а не как должностное лицо. Ведь у каждого есть своя судьба, свои взгляды. Даже когда в «Ночной полет» приходят политики, я стараюсь как можно меньше говорить с ними о судьбах демократии и тому подобном.

— Тем не менее вы задаете деятелям культуры вопросы на политические темы...

— Конечно. Ну и что?

— В теории журналистики есть определение «эффект ореола». Человек, доказавший свою компетентность в одном деле, кажется интервьюеру компетентным во всех остальных...

— Разговор о политике может раскрыть гостя программы с необычной стороны. Меня интересует не сам факт — примется или не примется бюджет, а последствия этого события. В частности, как это повлияет на жизнь мою и моих близких. Не так давно «дежурным по стране» был извест-

Ивановский журнал - 2001 - 19 мая, с. 9, 12

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Андрей Максимов уходит из программы «Мужчина и женщина»

перь передачу будет делать другой телеведущий, кто именно, пока не знаю. Мои отношения и с Кирой Анатольевной, и с Анатолием Григорьевичем остались очень хорошими.

— Когда смотришь программы «Авторского телевидения», создается впечатление, что это, в хорошем смысле, семейная компания: один ведущий всегда может подставить плечо другому. Это действительно так?

— Я бы назвал нашу телекомпанию коллективом товарищей. АТВ — очень маленькая компания, здесь все друг у друга как на ладони. Два-три раза в год мы собираемся на даче у Малкина. Она у него небольшая, но, поскольку нас немного, мы все там помещаемся. Конечно, как и в любом коллективе, у нас бывают склоки, но я считаю Божьим промыслом, что попал именно сюда, потому что на АТВ меня научили быть именно таким ведущим, каким я стал. Если бы я работал в другой телекомпании, все бы было, наверное, иначе, ведь телевидение очень меняет людей.

— Ваша жена — шеф-редактор «Мужчины и женщины». Она останется в программе после вашего ухода?

— Она уйдет, но не из-за солидарности со мной, а потому что новый ведущий приведет с собой другую команду.

— На отечественном телевидении не так много передач, где бы были такие интеллигентные и целомудренные диалоги, как в «Мужчине и женщине». Может ли через какое-то время появиться похожая программа с вашим участием?

— Это вопрос к Анатолию Малкину. Наверное, может. Вообще я не очень понимаю, какая «такая» передача? Передачи, в которых делаются попытки задавать умные, интеллигентные вопросы, уже есть. Я надеюсь, что это «Ночной полет», «Старая квартира», «В поисках утраченного». На мой взгляд, все передачи АТВ, даже политическая программа «Пресс-клуб», которую ведет Ира Петровская, очень интеллигентны. Это — одна из основ телекомпании.

— Но есть же разница между вашей программой «Диалоги о любви», выходящей на «Эхе Москвы», «Ночным полетом», который более политизирован, и тем, что вы делали в «Мужчине и женщине»? Может ли появиться другая ваша программа именно на основе «Мужчины и женщины»?

— На основе «Мужчины и женщины», думаю, не может. Возможно, появится совсем другая передача. Но я не согласен с тем, что «Ночной полет» — политизированная программа. Поче-

ный юморист Максим Галкин. За полчаса он никого не спародировал, зато очень интересно размышлял о текущих событиях.

— За последний год гостями «Ночного полета» были преимущественно деятели культуры — примерно шестьдесят человек, всего семь политиков и около пяти телевизионщиков. Почему вы отдаете предпочтение представителям творческой интеллигенции?

— В «Ночном полете» должны быть известные личности. Среди деятелей культуры, известных гораздо больше, чем в какой-либо другой области. Кроме того, политики идут ко мне в программу очень неохотно. Я неоднократно приглашал Бориса Грызлова, Валентину Матвиенко, но они отказывались, ссылаясь на нехватку времени. Мне очень нравится беседовать с телевизионщиками, мечтаю поговорить с Леонидом Парфеновым, открывшим своими фильмами новый телевизионный жанр, но, к сожалению, приглашать в эфир коллег по цеху считается неприличным.

— Политики не приходят из-за прямого эфира? То есть, например, Матвиенко говорит: я могу прийти в 14.00, пусть программа выходит в записи...

— Это не проблема прямого эфира, иногда программа идет в записи. В таких случаях, естественно, нет звонков в студию. Однажды я подошел к одному политику, участвовавшему в «Пресс-клубе», и сказал: «Приходите ко мне в «Ночной полет». Он ответил: «Не приду». Редкий ответ. Как правило, говорят: «Я обязательно приду, но сейчас очень занят». Но он сказал: «Вы ж меня не о политике будете спрашивать, а станете говорить о жизни. А об этом я не умею рассказывать». Была замечательная история с Лужковым, который приходил в «Ночной полет». Перед эфиром меня предупреждали: «Того не говори, того не спрашивай». Когда мы с Юрием Михайловичем оказались один на один, я ему об этом сказал, на что он ответил: «Говори со мной о чем хочешь». И в эфире мы говорили с ним про массу вещей, в том числе Юрий Михайлович рассказывал, как он купает своих дочерей. У меня тогда только родился ребенок, и где-то минут десять Лужков как отец, а не как мэр города давал мне советы. Эта была странная, интересная история, и я думаю, она повлияла на политиков, которые не в силах вести себя, как Лужков. Не все могут быть естественными, не у каждого политика можно спросить, на какой руке он держит ребенка, когда его купает.

(Окончание на стр. 12)

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Андрей Максимов на телевизионной «кухне».
Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Почему некоторым гостям программы вы даете два эфира подряд, кого-то приглашаете несколько раз в год?

— Все получается спонтанно. Например, мне показалась очень интересным человеком Ирина Алферова, и я ее пригласил второй раз. Очень хочу еще раз встретиться с Максимом Галкиным, потому что он интересно рассуждает. Некоторые люди попадают в программу совершенно случайно: «срывается» какой-нибудь гость, я звоню знакомому и прошу выручить. Однажды, когда я был на банкете в честь премьеры своего спектакля, мне позвонили с АТВ и сказали, что «срывается» гость. Я увидел Мишу Жигалова, своего давнего друга, и попросил его прийти ко мне на передачу. Он согласился, и мы замечательно побеседовали. Раньше, когда мне задавали такой вопрос, я умичал, говоря, что это концепция программы. На самом деле все не так. Конечно, есть какой-то расклад на четыре дня, но, как правило, все получается случайно. Главное, чтобы хотя бы один-два гостя в неделю были изначально интересны зрителю. И обязательно должен быть один не очень популярный, а значит, и не очень интересный зрительскому, например врач, учитель, директор школы. То есть не примелькавшиеся лица, а человек, который что-то интересное делает и потрясающе об этом рассказывает. Я должен его разговорить, и в процессе беседы такой гость должен обязательно привлечь зрителя.

— Случалось ли, что руководство ТВЦ отклоняло кандидатуры гостей, которые должны прийти в «Ночной полет»?

— Канал ТВЦ никогда не запрашивал какого-то гостя, а вот Малкин, у которого я сначала утверждал список, отклонял неоднократно. Здесь я решающего голоса не имею. После того как Малкин утверждает кандидатуры гостей, список уходит на ТВЦ. Наоборот, иногда Олег Максимович Попцов звонит и говорит: «Ты точно попал, это замечательный человек, давай обговорим». Он очень профессиональный и увлекательный журналист, поэтому часто дает хорошие советы.

— У нас есть основания утверждать, что это не совсем так, и руководство Третьего канала отклоняло некоторые кандидатуры гостей...

— Не знаю... руководство ТВЦ ведет переговоры с Малкиным, а не со мной, но, наверное, если напрячься, можно вспомнить один случай, ну, два. Тенденции такой нет.

— В «Диалогах о любви» было ощущение честного эфира, то есть казалось, что дозвониться в программу может каждый. Отсеивают ли в «Ночном полете» звонки людей?

— Отсев производят два человека — ведущий и моя жена, шеф-редактор передачи. Политических отсеков практически не бывает, потому что звонок должен взбодрить эфир. Если человек ругает, например Лужкова, его звонок выдается, потому что это придает эфиру какую-то живость. Отсеиваются сумасшедшие, антисемиты, которых, к слову, довольно много, люди, у которых дикие личные проблемы. Иногда звонки записываются и отдаются «Времечко», после чего делается сюжет. Если зритель жалу-

ется, что у него протекает крыша, бессмысленно выводить этот звонок в студию, где сидит актриса. Но можно этому человеку через «Времечко» конкретно помочь.

— Иногда вы довольно резко обрываете звонки. Связано ли это с ощущением, что дальше пойдет что-то не то?

— Это моя большая ошибка. Дело в том, что многие нечетко формулируют вопросы, уже все понятно, а они продолжают что-то «накручивать». В итоге эфир «проседает». Я прекрасно понимаю, что по ту сторону телеэкрана сидит человек с пультом, он может в любой момент нажать на другую кнопку, и я исчезну. Меня это раздражает и приходится прерывать звонящего, что, конечно, неправильно.

— Вам бывает скучно в эфире?

— Бывает, но очень редко. На сегодняшний момент я провел около шестисот шестидесяти девяти эфиров. Мне очень нравится беседовать, слушать гостя. За все время существования «Ночного полета» не было ни одного человека, который был бы мне не интересен. Если тебе не нравится трепаться, если люди раздражают, программу делать невозможно: сойдем с ума.

— Когда программа заканчивается, камеры показывают студию, в которой вы продолжаете беседу с гостем. С кем из приглашенных вы разговаривали после эфира больше всего?

— В студии мы не засиживались никогда. Года два назад долго разговаривали с Евгением Алексеевичем Киселевым. До эфира он выпил для храбрости 50 граммов, после съемки допили бутылку, сидели минут сорок и беседовали. Бывают долгие разговоры с гостем, когда после эфира куда-нибудь вместе едем. Но такое случается крайне редко.

— Вы могли бы пригласить в эфир человека, который вам не нравится?

— Когда я делал «Диалоги о любви», Сергей Бунтман с «Эхо Москвы» назвал единственно правильным и возможным для меня принцип работы: «Нельзя приглашать того, кому ты не можешь пожать руку». Например, Ампилова, какого-нибудь фашиста или ярого антисемита я никогда не позову в свою программу.

— Во время эфира любой, даже самый маститый человек находится в полной власти ведущего. Вы ощущаете эту власть?

— Это совсем другая система координат. В девятистах случаях из ста я очень уважаю людей, которые приходят ко мне в студию, и стараюсь ощущать себя в их власти, а не наоборот. Есть журналисты, которые берут интервью, чтобы поддеть человека, поставить его в тупик. Это вполне нормальная ситуация. Наверное, работая по такому принципу, ощущаешь власть либо над интервьюируемым, либо над собой. Я живу и работаю по другому принципу. Иногда я сам вызываю человека на политический разговор, то есть вызываю его на дуэль: я его укол, он пропустил удар, дальше он меня колет. Правда, случается такое крайне редко, потому что я не люблю этот жанр. На мой взгляд, «Ночной полет» — не дуэль, а кухонный разговор.

— Ваш роман «Посланник» посвящен телевидению?

— Роман в основном не о телевидении, а о том, какую роль оно играет в нашей жизни и почему ТВ появилось именно сейчас, а не раньше и не позже. Причем это не философская притча, а настоящий роман, где есть любовь, интриги и так далее.

— Сейчас очень популярен жанр

автобиографической прозы, особенно такой, в которой авторы сводят с кем-то счеты. Судя по вашим словам, «Посланник» вас ни с кем не рассорит?

— Конечно, найдутся люди, которые скажут, что это про них. Причем те, с которыми я лично не знаком. Например, в романе есть телевизионная передача, очень похожая на «Мою семью». Возможно, кто-то подумает, что я издевался над этой программой, но это не так. Проза должна писаться для вечности. Она, конечно, может туда не попасть, но писать нужно так, чтобы через 100 лет люди, которые понятия не будут иметь о том, что такое программа «Моя семья», все равно этот роман читали.

— Авторское телевидение во главе с Анатолием Малкиным достойно иметь собственный канал, на который оно давно уже претендует. Если когда-нибудь он появится, что бы вы хотели на нем сделать?

— Малкин достоин канала, а после того как главный редактор вашей газеты Виталий Третьяков будет делать на АТВ свою передачу. — АТВ трижды достойно своего канала*. Очень бы хотелось снять телеспектакль. Еще на этом канале я бы делал новости культуры. Но, опять же, все зависело бы от того, что предложил бы мне Малкин.

— Когда в гостях у «Ночного полета» была Светлана Жильцова, вы ее спросили: «Телевидение улучшает или ухудшает человека?». А как оно повлияло на вас?

— Однажды я спросил Анатолия Григорьевича Лысенко, мэтра нашего телевидения, знает ли он людей, которые благодаря ТВ стали умнее, честнее, открытее, талантливее. Он ответил: «Да что вы! Конечно, нет!» Телевидение очень плохо воздействует на людей, которые там работают. Думаю, оно плохо воздействует и на меня. Но у меня, к счастью, есть два «кулака» — Малкин и жена. Представьте: я долгое время ставил спектакли, меня за них много ругали, били мордой об стол. И вот я прихожу на телевидение, говорю: «Добрый вечер! В эфире — «Времечко». Сегодня вы не узнаете...», и уже через три дня меня узнают на улице. Может ли это не повлиять на человека? На моих глазах один ведущий остановавившему его гаишнику сказал: «Ты кого останавливаешь, знаешь кто я?» Я стараюсь так себя не вести, но иногда что-то подобное проявляется. Наверное, я излишне радуюсь, когда гуляю с собакой и ко мне подходит девушка, чтобы взять автограф, или когда вхожу в ресторан и ловлю на себе любопытные взгляды. Вообще, мне кажется, что у телевизионного работника обязательно должна быть семья, дом и собака, естественное и бескорыстное существо.

— Правда ли, что у вас очень большая коллекция игрушечных обезьян?

— Да, у меня их около трехсот. Первую обезьяну мне подарила жена, сказав, что она похожа на меня. Вторую подарил ей я, сказав, что она похожа на нее. Она не захотела, чтобы последнее слово оставалось за мной. Позже обезьяна стала нашим семейным талисманом. Когда я езжу со своим спектаклем в другой город, первое, что делаю, — иду по магазинам, покупаю обезьяну и ставлю ее в своем номере. Кстати, с игрушечными обезьянами была очень трогательная история. Одна женщина позвонила на АТВ и сказала, что она смертельно больна и хочет передать мне свою коллекцию обезьян, которых у нее четыреста восемьдесят штук. Я ей позвонил, поддержал, но от игрушки отказался, потому что такое

количество обезьян у меня просто не поместилось бы в квартире.

— В одном из интервью вы сказали, что у человека есть в жизни два стимула: деньги и любовь. Какой из них движет вами?

— Любовь, потому что деньги зарабатываются для любви. Недавно у меня серьезно болела жена, и я понял, как хорошо, когда есть деньги. Ты можешь вызвать хорошего врача, который придет без опозданий, купить качественные лекарства.

— Почему вы больше не ведете «Старую квартиру»?

— Потому что так решил Анатолий Малкин. На мой взгляд, Ваня Кононов, Олег Марусев и Миша Кожухов замечательно делают эту передачу. Я смотрю ее с огромным удовольствием.

— В интервью нашей газете Дмитрий Быков сказал, что полным людям доверяют больше, чем худым. Как вы относитесь к такой точке зрения?

— Мне кажется, размер живота никак не связан со степенью доверия к тому или иному человеку. Не думаю, что когда я был худым, мне доверяли больше, чем сейчас.

— Вы сами работаете над своим имиджем?

— К сожалению, раньше я об имидже совсем не думал. Сейчас на АТВ появились прекрасный стилист Ольга Невская и парикмахер Оксана Солнцева. До этого моим внешним видом занималась жена. Когда меня решили попросить на роль ведущего, Лев Новоженков сказал, чтобы я пришел к определенному времени в белой рубашке, костюме и галстуке. Мы с женой весь день носились по магазинам, покупая все это. До прихода на телевидение, я открываю дверь, даже не зная, что существует мужская косметика. Сейчас, к счастью, появились люди, которые мне дают дельные советы на этот счет.

— Многие журналисты, а тем более телевизионщики, в какой-то момент хотят себя попробовать в новом жанре. Вам не хотелось бы делать авторскую программу о театре или литературе?

— Я не считаю себя телевизионным человеком. Оно — всего лишь часть моей жизни. Так получилось, что одновременно я выпустил роман и перестал вести «Мужчину и женщину». Роман для меня — огромное событие, а то, что я перестал делать передачу, — вообще не событие. Кроме того, у меня есть генпродюсер Анатолий Малкин, которому я очень доверяю. Если он решит, что мне нужно работать над новым проектом, я буду это делать, не решит — не буду. Вообще, это очень сложная проблема. Занятие театром и прозой отчасти связано с тем, что там я по-настоящему свободен, а на телевидении — нет. Вообще, разговоры о свободе журналиста я считаю идиотскими, ибо свободным может быть только тот, у кого есть деньги. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Андрей Маркович Максимов родился в Москве 25 апреля 1959 года. В 1990 г. окончил факультет журналистики МГУ. Работал санитаром судебно-медицинской экспертизы, в журнале «Пионер», газетах «Комсомольская правда» и «Собеседник». С 1996 г. работает в телекомпании «Авторское телевидение». Член Союза писателей РФ, Союза театральных деятелей РФ, автор девяти книг. Драматург. Ставил спектакли в театрах Москвы и Таллина. Женат, имеет сына.

*Речь идет об авторской программе Виталия Третьякова «Что делать?», первый выпуск которой выйдет в следующее воскресенье на канале «Культура».

Ведущий программы «Ночной полет» (АТВ), идущей на третьем канале, Андрей Максимов работает на телевидении почти пять лет. Две недели назад вышел его роман «Посланник», во многом посвященный ТВ. Несмотря на это, он не считает себя телевизионным человеком.

март - с. 9, 12
Мария Безбородова,
Григорий Заславский

-АНДРЕЙ МАРКОВИЧ, недавно стало известно, что вы уходите из программы «Мужчина и женщина». Почему вы решили это сделать, ведь ведущие передачи были даже номинированы на ТЭФИ?

— Вести «Мужчину и женщину» меня пригласила Кира Прошутинская. Это, на мой взгляд, — случай уникальный, потому что в любой другой телекомпании ни один ведущий не делится эфиром с другим. Мы делали эту передачу почти полтора года, но в какой-то момент произошло событие, после которого я понял, что наши взгляды на нее не совпадают. Я сказал генеральному продюсеру АТВ Анатолию Малкину, что не буду больше работать в «Мужчине и женщине». Как мне тогда казалось, варианта было всего два: либо меня заставят делать эту программу, либо уволят. По крайней мере так произошло бы в любой другой телекомпании. Но после разговора с Малкиным я понял, что все мои страхи напрасны. Те-

му вы так считаете?

— В ней есть «дежурный по стране», анализирующий политические события, героями передачи становятся министры...

— Главная цель «Ночного полета», как, впрочем, и «Мужчины и женщины», — показать человека как человека, а не как должностное лицо. Ведь у каждого есть своя судьба, свои взгляды. Даже когда в «Ночной полет» приходят политики, я стараюсь как можно меньше говорить с ними о судьбах демократии и тому подобном.

— Тем не менее вы задаете деятелям культуры вопросы на политические темы...

— Конечно. Ну и что?

— В теории журналистики есть определение «эффект ореола». Человек, доказавший свою компетентность в одном деле, кажется интервьюеру компетентным во всех остальных...

— Разговор о политике может раскрыть гостя программы с необычной стороны. Меня интересует не сам факт — примется или не примется бюджет, а последствия этого события. В частности, как это повлияет на жизнь мою и моих близких. Не так давно «дежурным по стране» был извест-

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Андрей Максимов уходит из программы «Мужчина и женщина»

перь передачу будет делать другой телеведущий, кто именно, пока не знаю. Мои отношения и с Кирой Анатольевной, и с Анатолием Григорьевичем остались очень хорошими.

— Когда смотришь программы «Авторского телевидения», создается впечатление, что это, в хорошем смысле, семейная компания: один ведущий всегда может подставить плечо другому. Это действительно так?

— Я бы назвал нашу телекомпанию коллективом товарищей. АТВ — очень маленькая компания, здесь все друг у друга как на ладони. Два-три раза в год мы собираемся на даче у Малкина. Она у него небольшая, но, поскольку нас немного, мы все там помешаемся. Конечно, как и в любом коллективе, у нас бывают склоки, но я считаю Божьим промыслом, что попал именно сюда, потому что на АТВ меня научили быть именно таким ведущим, каким я стал. Если бы я работал в другой телекомпании, все бы было, наверное, иначе, ведь телевидение очень меняет людей.

— Ваша жена — шеф-редактор «Мужчины и женщины». Она останется в программе после вашего ухода?

— Она уйдет, но не из-за солидарности со мной, а потому что новый ведущий приведет с собой другую команду.

— На отечественном телевидении не так много передач, где бы были такие интеллигентные и целомудренные диалоги, как в «Мужчине и женщине». Может ли через какое-то время появиться похожая программа с вашим участием?

— Это вопрос к Анатолию Малкину. Наверное, может. Вообще я не очень понимаю, какая «такая» передача? Передачи, в которых делаются попытки задавать умные, интеллигентные вопросы, уже есть. Я надеюсь, что это «Ночной полет», «Старая квартира», «В поисках утраченного». На мой взгляд, все передачи АТВ, даже политическая программа «Пресс-клуб», которую ведет Ира Петровская, очень интеллигентны. Это — одна из основ телекомпании.

— Но есть же разница между вашей программой «Диалоги о любви», выходящей на «Эхе Москвы», «Ночным полетом», который более политизирован, и тем, что вы делали в «Мужчине и женщине»? Может ли появиться другая ваша программа именно на основе «Мужчины и женщины»?

— На основе «Мужчины и женщины», думаю, не может. Возмозно, думаю, совсем другая передача. Но я не согласен с тем, что «Ночной полет» — политизированная программа. Поче-

ный юморист Максим Галкин. За полчаса он никого не спародировал, зато очень интересно размышлял о текущих событиях.

— За последний год гостями «Ночного полета» были преимущественно деятели культуры — примерно шестьдесят человек, всего семь политиков и около пяти телевизионщиков. Почему вы отдаете предпочтение представителям творческой интеллигенции?

— В «Ночном полете» должны быть известные личности. Среди деятелей культуры, известных гораздо больше, чем в какой-либо другой области. Кроме того, политики идут ко мне в программу очень неохотно. Я неоднократно приглашал Бориса Грызлова, Валентину Матвиенко, но они отказывались, ссылаясь на нехватку времени. Мне очень нравится беседовать с телевизионщиками, мечтаю поговорить с Леонидом Парфеновым, открывшим своими фильмами новый телевизионный жанр, но, к сожалению, приглашать в эфир коллег по цеху считается неприличным.

— Политики не приходят из-за прямого эфира? То есть, например, Матвиенко говорит: я могу прийти в 14.00, пусть программа выходит в записи...

— Это не проблема прямого эфира, иногда программа идет в записи. В таких случаях, естественно, нет звонков в студию. Однажды я подошел к одному политику, участвовавшему в «Пресс-клубе», и сказал: «Приходите ко мне в «Ночной полет». Он ответил: «Не приду». Редкий ответ. Как правило, говорят: «Я обязательно приду, но сейчас очень занят». Но он сказал: «Вы ж меня не о политике будете спрашивать, а станете говорить о жизни. А об этом я не умею рассказывать». Была замечательная история с Лужковым, который приходил в «Ночной полет». Перед эфиром меня предупреждали: «Того не говори, того не спрашивай». Когда мы с Юрием Михайловичем оказались один на один, я ему об этом сказал, на что он ответил: «Говори со мной о чем хочешь». И в эфире мы говорили с ним про массу вещей, в том числе Юрий Михайлович рассказывал, как он купает своих дочерей. У меня тогда только родился ребенок, и где-то минут десять Лужков как отец, а не как мэр города давал мне советы. Эта была странная, интересная история, и я думаю, она повлияла на политиков, которые не в силах вести себя, как Лужков. Не все могут быть естественными, не у каждого политика можно спросить, на какой руке он держит ребенка, когда его купает.

(Окончание на стр. 12)

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Андрей Максимов на телевизионной «кухне». Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Почему некоторым гостям программы вы даете два эфира подряд, кого-то приглашаете несколько раз в год?

— Все получается спонтанно. Например, мне показалась очень интересным человеком Ирина Алферова, и я ее пригласил второй раз. Очень хочу еще раз встретиться с Максимом Галкиным, потому что он интересно рассуждает. Некоторые люди попадают в программу совершенно случайно: «срывается» какой-нибудь гость, я звоню знакомому и прошу выручить. Однажды, когда я был на банкете в честь премьеры своего спектакля, мне позвонили с АТВ и сказали, что «срывается» гость. Я увидел Мишу Жигалова, своего давнего друга, и попросил его прийти ко мне на передачу. Он согласился, и мы замечательно побеседовали. Раньше, когда мне задавали такой вопрос, я умничал, говоря, что это концепция программы. На самом деле все не так. Конечно, есть какой-то расклад на четыре дня, но, как правило, все получается случайно. Главное, чтобы хотя бы один-два гостя в неделю были изначально интересны зрителю. И обязательно должен быть один не очень популярный, а значит, и не очень интересный зрителю гость, например врач, учитель, директор школы. То есть не примелькавшиеся лицо, а человек, который что-то интересное делает и потрясающе об этом рассказывает. Я должен его разговорить, и в процессе беседы такой гость должен обязательно привлечь зрителя.

— Случалось ли, что руководство ТВЦ отклоняло кандидатуры гостей, которые должны прийти в «Ночной полет»?

— Канал ТВЦ никогда не запрещал какого-то гостя, а вот Малкин, у которого я сначала утверждал список, отклонял неоднократно. Здесь я решающего голоса не имею. После того как Малкин утверждает кандидатуры гостей, список уходит на ТВЦ. Наоборот, иногда Олег Максимович Попцов звонит и говорит: «Ты точно попал, это замечательный человек, давай обговорим». Он очень профессиональный и увлекающийся журналист. Поэтому часто дает хорошие советы.

— У нас есть основания утверждать, что это не совсем так, и руководство Третьего канала отклоняло некоторые кандидатуры гостей...

— Не знаю... руководство ТВЦ ведет переговоры с Малкиным, а не со мной, но, наверное, если напрячься, можно вспомнить один случай, ну, два. Тенденции такой нет.

— В «Диалогах о любви» было ощущение честного эфира, то есть казалось, что дозвониться в программу может каждый. Отсеивают ли в «Ночном полете» звонки людей?

— Отсев производят два человека — ведущий и моя жена, шеф-редактор передачи. Политических отсеивают практически не бывает, потому что звонок должен взбодрить эфир. Если человек ругает, например Лужкова, его звонок выдается, потому что это придает эфиру какую-то живость. Отсеиваются сумасшедшие, антисемиты, которых, к слову, довольно много, люди, у которых дикие личные проблемы. Иногда звонки записываются и отдаются во «Времечко», после чего делаются сюжеты. Если зритель жалу-

ется, что у него протекает крыша, бессмысленно выводить этот звонок в студию, где сидит актриса. Но можно этому человеку через «Времечко» конкретно помочь.

— Иногда вы довольно резко обрываете звонки. Связано ли это с ощущением, что дальше пойдет что-то не то?

— Это моя большая ошибка. Дело в том, что многие нечетко формулируют вопросы, уже все понятно, а они продолжают что-то «накручивать». В итоге эфир «проседает». Я прекрасно понимаю, что по ту сторону телеэкрана сидит человек с пультом, он может в любой момент нажать на другую кнопку, и я исчезну. Меня это раздражает и приходится прерывать звонящего, что, конечно, неправильно.

— Вам бывает скучно в эфире?

— Бывает, но очень редко. На сегодняшний момент я провел около шестисот шестидесяти девяти эфиров. Мне очень нравится беседовать, слушать гостя. За все время существования «Ночного полета» не было ни одного человека, который был бы мне не интересен. Если тебе не нравится трепаться, если люди раздражают, программу делать невозможно: сойдешь с ума.

— Когда программа заканчивается, камеры показывают студию, в которой вы продолжаете беседу с гостем. С кем из приглашенных вы разговаривали после эфира больше всего?

— В студии мы не засиживались никогда. Года два назад долго разговаривали с Евгением Алексеевичем Киселевым. До эфира он выпил для храбрости 50 граммов, после съемки допили бутылку, сидели минут сорок и беседовали. Бывают долгие разговоры с гостем, когда после эфира куда-нибудь вместе едем. Но такое случается крайне редко.

— Вы могли бы пригласить в эфир человека, который вам не нравится?

— Когда я делал «Диалоги о любви», Сергей Бунтман с «Эхо Москвы» назвал единственно правильный и возможный для меня принцип работы: «Нельзя приглашать того, кому ты не можешь пожать руку». Например, Ампилова, какого-нибудь фашиста или ярого антисемита я никогда не позову в свою программу.

— Во время эфира любой, даже самый маститый человек находится в полной власти ведущего. Вы ощущаете эту власть?

— Это совсем другая система координат. В девяносто случаях из ста я очень уважаю людей, которые приходят ко мне в студию, и стараюсь ощущать себя в их власти, а не наоборот. Есть журналисты, которые берут интервью, чтобы поддеть человека, поставить его в тупик. Это вполне нормальная ситуация. Наверное, работая по такому принципу, ощущаешь власть либо над интервьюируемым, либо над собой. Я живу и работаю по другому принципу. Иногда я сам вызываю человека на политический разговор, то есть вызываю его на дуэль: я его укол, он пропустил удар, дальше он меня колет. Правда, случается такое крайне редко, потому что я не люблю этот жанр. На мой взгляд, «Ночной полет» — не дуэль, а кухонный разговор.

— Ваш роман «Посланный» посвящен телевидению?

— Роман в основном не о телевидении, а о том, какую роль оно играет в нашей жизни и почему ТВ появилось именно сейчас, а не раньше и не позже. Причем это не философская притча, а настоящий роман, где есть любовь, интриги и так далее.

— Сейчас очень популярен жанр

автобиографической прозы, особенно такой, в которой авторы сводят с кем-то счеты. Судя по вашим словам, «Посланный» вас ни с кем не рассорит?

— Конечно, найдутся люди, которые скажут, что это про них. Причем те, с которыми я лично не знаком. Например, в романе есть телевизионная передача, очень похожая на «Моя семья». Возможно, кто-то подумает, что я издевался над этой программой, но это не так. Проза должна писаться для вечности. Она, конечно, может туда не попасть, но писать нужно так, чтобы через 100 лет люди, которые понятия не будут иметь о том, что такое программа «Моя семья», все равно этот роман читали.

— Авторское телевидение во главе с Анатолием Малкиным достойно иметь собственный канал, на который оно давно уже претендует. Если когда-нибудь он появится, что бы вы хотели на нем сделать?

— Малкин достоин канала, а после того как главный редактор нашей газеты Виталий Третьяков будет делать на АТВ свою передачу. — АТВ трижды достойно своего канала? Очень бы хотелось снять телеспектакль. Еще на этом канале я бы делал новости культуры. Но, опять же, все зависело бы от того, что предложил бы мне Малкин.

— Когда в гостях у «Ночного полета» была Светлана Жильцова, вы ее спросили: «Телевидение улучшает или ухудшает человека?». А как оно повлияло на вас?

— Однажды я спросил Анатолия Григорьевича Лысенко, мэтра нашего телевидения, знает ли он людей, которые благодаря ТВ стали умнее, честнее, открытее, талантливей. Он ответил: «Да что вы! Конечно, нет!» Телевидение очень плохо воздействует на людей, которые там работают. Думаю, оно плохо воздействует и на меня. Но у меня, к счастью, есть два «кулака» — Малкин и жена. Представьте: я долгое время ставил спектакли, меня за них много ругали, били мордой об стол. И вот я прихожу на телевидение, говорю: «Добрый вечер! В эфире — «Времечко». Сегодня вы не узнаете...», и уже через три дня меня узнают на улице. Может ли это не повлиять на человека? На моих глазах один ведущий остановившему его гаишнику сказал: «Ты кого останавливаешь, знаешь кто я?» Я стараюсь так себя не вести, но иногда что-то подобное проявляется. Наверное, я излишне радуюсь, когда гуляю с собакой и ко мне подходит девушка, чтобы взять автограф, или когда захожу в ресторан и ловлю на себе любопытные взгляды. Вообще, мне кажется, что у телевизионного работника обязательно должна быть семья, дом и собака, естественное и бескорыстное существо.

— Правда ли, что у вас очень большая коллекция игрушечных обезьян?

— Да, у меня их около трехсот. Первую обезьяну мне подарила жена, сказав, что она похожа на меня. Вторую подарил ей я, сказав, что она похожа на нее. Она не захотела, чтобы последнее слово оставалось за мной. Позже обезьяна стала нашим семейным талисманом. Когда я езжу со своим спектаклем в другой город, первое, что делаю, — иду по магазину, покупаю обезьяну и ставлю ее в своем номере. Кстати, с игрушечными обезьянами была очень трогательная история. Одна женщина позвонила на АТВ и сказала, что она смертельно больна и хочет передать мне свою коллекцию обезьян, которых у нее четыреста восемьдесят штук. Я ей позвонил, поддержал, но от игрушки отказался, потому что такое

количество обезьян у меня просто не поместилось бы в квартире.

— В одном из интервью вы сказали, что у человека есть в жизни два стимула: деньги и любовь. Какой из них движет вами?

— Любовь, потому что деньги зарабатываются для любви. Недавно у меня серьезно болела жена, и я понял, как хорошо, когда есть деньги. Ты можешь вызвать хорошего врача, который приедет без опозданий, купить качественные лекарства.

— Почему вы больше не ведете «Старую квартиру»?

— Потому что так решил Анатолий Малкин. На мой взгляд, Ваня Кононов, Олег Марусев и Миша Кожухов замечательно делают эту передачу. Я смотрю ее с огромным удовольствием.

— В интервью нашей газете Дмитрий Быков сказал, что полным людям доверяют больше, чем худым. Как вы относитесь к такой точке зрения?

— Мне кажется, размер живота никак не связан со степенью доверия к тому или иному человеку. Не думаю, что когда я был худым, мне доверяли больше, чем сейчас.

— Вы сами работаете над своим имиджем?

— К сожалению, раньше я об имидже совсем не думал. Сейчас на АТВ появились прекрасный стилист Ольга Невская и парикмахер Оксана Солнцева. До этого моим внешним видом занималась жена. Когда меня решили попробовать на роль ведущего, Лев Новоженков сказал, чтобы я пришел к определенному времени в белой рубашке, костюме и галстуке. Мы с женой весь день носились по магазинам, покупая все это. До прихода на телевидение, я открыто говорил, даже не знал, что существует мужская косметика. Сейчас, к счастью, появились люди, которые мне дают дельные советы на этот счет.

— Многие журналисты, а тем более телевизионщики, в какой-то момент хотят себя попробовать в новом жанре. Вам не хотелось бы делать авторскую программу о театре или литературе?

— Я не считаю себя телевизионным человеком. Оно — всего лишь часть моей жизни. Так получилось, что одновременно я выпустил роман и перестал вести «Мужчину и женщину». Роман для меня — огромное событие, а то, что я перестал делать передачу, — вообще не событие. Кроме того, у меня есть генпродюсер Анатолий Малкин, которому я очень доверяю. Если он решит, что мне нужно работать над новым проектом, я буду это делать, не решит — не буду. Вообще, это очень сложная проблема. Занятие театром и прозой отчасти связано с тем, что там я по-настоящему свободен, а на телевидении — нет. Вообще, разговоры о свободе журналиста я считаю идиотскими, ибо свободным может быть только тот, у кого есть деньги.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Андрей Маркович Максимов родился в Москве 25 апреля 1959 года. В 1990 г. окончил факультет журналистики МГУ. Работал санитаром судебно-медицинской экспертизы, в журнале «Пионер», газетах «Комсомольская правда» и «Собеседник». С 1996 г. работает в телекомпании «Авторское телевидение». Член Союза писателей РФ, Союза театральных деятелей РФ, автор девяти книг. Драматург. Ставил спектакли в театрах Москвы и Таллина. Женат, имеет сына.

*Речь идет об авторской программе Виталия Третьякова «Что делать?», первый выпуск которой выйдет в следующее воскресенье на канале «Культура».